

У Саны идеальный слух и красивый голос. Свои выдающиеся способности она унаследовала от отца, легендарного Композитора. Звукооператор Антон предлагает задействовать ее талант имитации голосов для мелких махинаций. Парень использует ее, и вскоре Сана бросает его. Она становится бэк-вокалисткой эстрадной певицы. Но все это — часть мошеннических схем. Судьба сводит Сану с офицером госбезопасности Трифоновым. Ее талант крайне полезен для работы в спецслужбах. Теперь она — агент Вокалистка, опасное оружие в чужих руках. Оружие, которое может выйти из-под контроля...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6701-5

9 786171 267015

ВОКАЛИСТКА

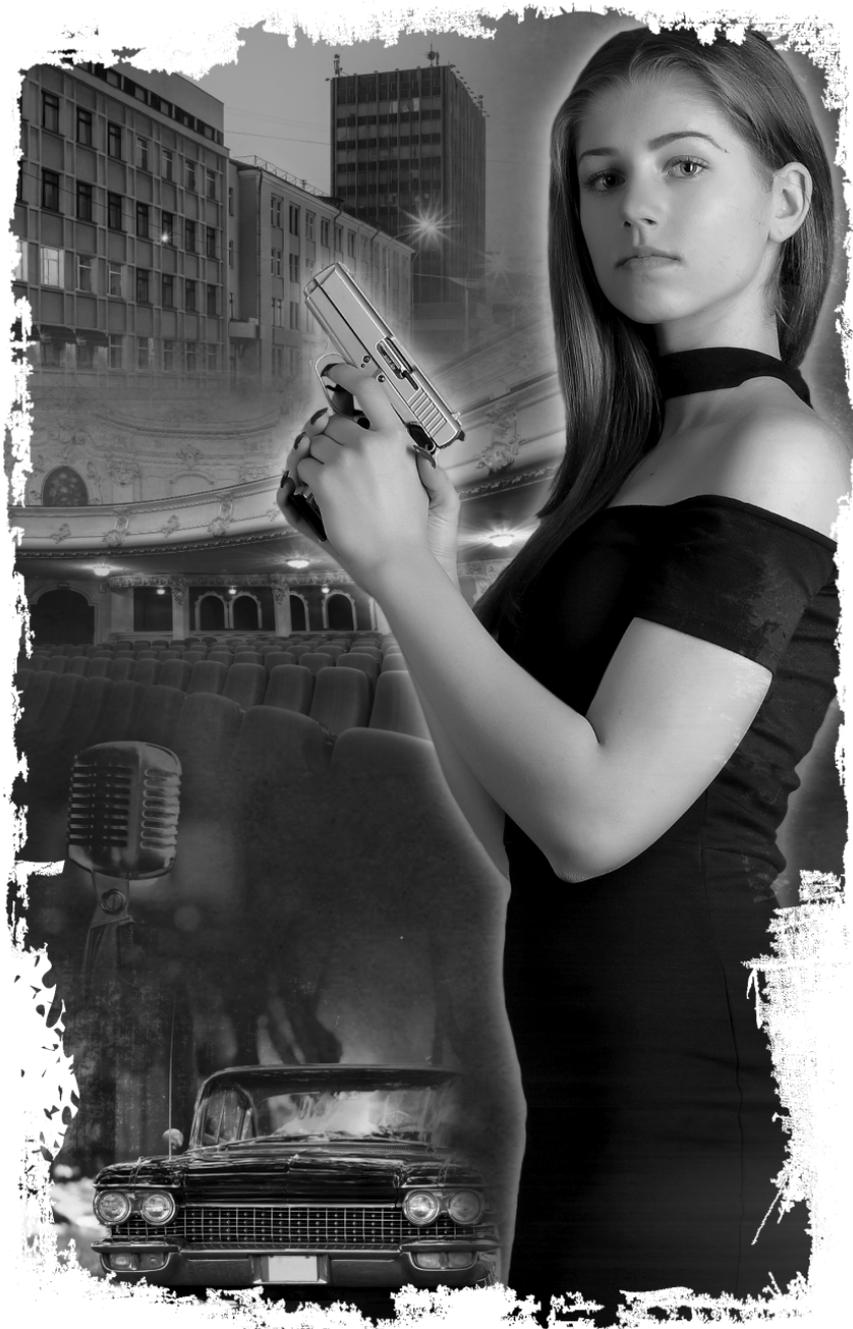
СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ВОКАЛИСТКА

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ВОКАЛИСТКА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Б19

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Сергей Ткачев

ISBN 978-617-12-6701-5

- © Бакшеев С. П., 2019
- © DepositPhotos.com / Taden1, duha127, LisaA85, Ryhor, muro, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Глаза и голос — это слишком много сразу.
Поэтому, когда слышу голос, опускаю глаза.

Марина Цветаева

Пролог

Удивительную историю уникальной девушки, как и предыдущую про Композитора, я рассказываю со слов полковника КГБ в отставке Сергея Васильевича Трифонова. Он разрешил их публиковать лишь после его ухода из жизни.

— Я долго корил себя за то, что не смог спасти Композитора, — признался Трифонов, поведав о жуткой судьбе человека с убийственным, в прямом смысле этого слова, голосом.

— Композитор — чудовище! — возразил я.

— Прежде всего он гений с уникальными возможностями, которые мы использовали во благо страны. После его смерти в Конторе был создан отдел по изучению паранормальных явлений. Возглавить его доверили мне.

— Был ли кто-то еще со схожими способностями? — заинтересовался я.

— Я надеялся, что своеобразный талант Композитора хотя бы частично унаследуют его дети. Вопрос был в том, остались ли после него дети?

Я подался вперед, затаив дыхание. И Трифонов меня не разочаровал.

— Композитор исчез из поля зрения Конторы на долгих пять лет. Где-то жил, что-то делал. Где и что? Во время следствия он не ответил на эти вопросы, но проговорился, что жил с женщиной и морщился при упоминании младенцев. Психологи подтвердили, что такая реакция характерна для отца, которому неприятны собственные дети. Это вселило надежду: необычные способности обязательно проявятся. И первой, кого мы нашли, была невероятная Вокалистка.

1

Вот и закончился ее выпускной вечер в алтайской сельской школе. Завершилась официальная часть с вручением аттестатов, напутственными словами директора, невнятной благодарностью учеников и танцами в спортзале под присмотром надоевших училок. Ее, конечно, никто не пригласил на танец и даже на прогулку до рассвета ни в одну компанию не позвали. Кому нужна уродина со шрамом на лице?

Сана Шаманова брела домой одна.

Ночью лучше, чем днем, — меньше звуков. Ночь — как прозрачное озеро с отдельными всплесками, ласкающими слух, а день — это мутный бурлящий поток, от которого хочется закрыть уши. Люди не замечают многообразия звуков, для них звуковые волны сливаются в общий шумовой фон, а Сана слышит по отдельности все, что происходит в селе, — такой уж у нее слух.

В кустах за школой трое парней из ее класса распилили портвейн и отбросили бутылку. Их болтовня для нее не тайна, она знает, кто сколько глотков выпил и как твердо теперь стоит на ногах. А у реки в высокой траве целуется влюбленная парочка, она словно видит их. Вот рука парня лезет под оборку выпускного платья. Неужели девчонка позволит? Шлепок по ладони — и правильно, нечего руки распускать! Но поцелуи продолжают, парень тискает грудь девушки, шепчет о вечной любви, насаждает, валит в траву...

На фиг! Она не хочет слышать, что будет дальше. Она с детства знает все и про всех в селе, но эти знания только вредят ей в жизни.

Своей прямоотой Сана отвадила от себя всех подружек. Девчонки любят привирать, скрытничать, хвастаться, а она возьми да и ляпни, что все не так, те злятся и обзывают ее лгуньей. Чем яростней нахрап, тем больше им верят. И никому невдомек, что она слышит их тайны с другого конца села через любую стену. С парнями и того хуже, подростки вечно врут про свои подвиги, а неудачи скрывают. Выстраивают вокруг себя выдуманный мир, где они герои, а любой намек на серенькую правду воспринимают в штыки. Что тут скажешь? Придурки!

Сзади послышались торопливые шаги. Сане не нужно оборачиваться — это Акай и Коля спешат за ней. Неужели они решились?

Накануне она подслушала, как трое парней из ее класса договорились напоить и изнасиловать ее. Мол, кому еще нужна такая уродина, а они ее осчастливят. Трое — это Тимур и его команда, точнее, банда. Двое из них уже рядом, но без Тимура они не решатся, он за главного.

Прошлой осенью, в 1973-м, когда власть в братской стране Чили захватил злой Пиночет и военная хунта, в их школе, как и по всей стране, прошел митинг солидарности с борющимся народом, и школьники собирали деньги на помощь чилийским детям. Приносили кто сколько мог, от чистого сердца. А потом случилось мерзкое — кто-то украл пожертвования из учительской. Потрясенный директор вызвал милицию из района.

Сана не только отлично слышала, но и запоминала окружающие звуки на уровне подсознания, даже помимо своей воли. Она закрыла глаза во время урока, погрузилась в звуковые воспоминания, отмела лишнее и услышала, кто именно пробрался в учительскую: для ее слуха шаги так же индивидуальны, как отпечатки пальцев для криминалистов. Ее распахнувшиеся глаза буравили спину одноклассника — не может быть! Тот заерзал, тронул портфель, и шуршание рублей и трешек, спрятанных в школьном портфеле, рассеяло ее сомнения.

На перемене она подошла к самоуверенному и наглому Тимуру. Шепнула ему тихо, так, чтобы не слышали остальные:

— Ты сам вернешь деньги или мне рассказать, что у тебя в портфеле?

Вспышка злости трансформировалась в красные пятна на лице Тимура, желваки играли на его скулах, а в глазах пылала ярость.

— Даю тебе пять минут, — процедила Сана и отошла.

Украденные деньги обнаружили на подоконнике в коридоре, школа замяла скандал. Однако несколько купюр Тимур утаил, на них он и купил выпивку в тот роковой вечер.

А вот и Тимур, легок на помине. Затаился впереди за деревом, не двигается, уверен, что в темноте девчонка его не разглядит. Это так, глаза ненадежны, но у нее особые уши. Он дышит, у него бьется сердце — этого ей достаточно.

Из-за подлого Тимура Сана и стала уродиной.

В тот вечер после кражи Тимур заискивал перед ней, организовал компанию у костра, принес портвейн и подсел рядом. Она — худая, высокая, нескладная девчонка, которую за глаза называли жердью — но она-то слышала! — впервые почувствовала на себе мужское внимание. Рядом сидели другие девочки: статные, с оформившейся грудью, смешливые.

Чтобы выделиться среди сверстниц, Сана спародировала артистов из «Кабачка 13 стульев». Тогда она впервые открыто продемонстрировала свои способности, ведь помимо всепроникающего слуха она могла имитировать любой голос: детский, мужской, старческий. Да что там голос, она могла повторить любой треск, писк, шелест или скрежет.

Все смеялись, хвалили ее, а Тимур подливал портвейн в ее стакан. Выпила Сана впервые, ее голос стал невнятным, девушку разморило, и она задремала на его плече. Пламя погасло, компания разошлась, но в костре еще мерцали пышущие жаром головешки. Тогда Тимур и толкнул ее в спину — резко, целенаправленно. Она упала лицом на тлеющее полено, а когда вскочила от жуткой боли, на лице пузырился страшный вертикальный ожог.

Две недели страданий в районной больнице — и Сана вернулась в школу с жутким шрамом на правой половине лица, тянущимся ото лба до губы. Говорят, что

шрамы украшают мужчин, — весьма спорное утверждение, но то, что они уродуют женщин, — бесспорно.

Никто не поверил школьнице, что ее толкнули в костер, ведь дуреха была пьяна, значит, сама виновата. Припомнить убедительные звуки и внятно возразить Сана не сумела, она убедилась, что в пьяном виде утрачивает свои уникальные способности. Тимур лишь ухмылялся при встрече с ней и цедил сквозь зубы: жердь жженная.

Сейчас он выскочил из-за дерева наперерез Сане, двое его дружков замкнули окружение. На их лицах блуждали пьяные ухмылки, а в глазах туманилась похоть. Сана испугалась. Парни явно без тормозов и действительно хотят осуществить задуманное. А как же иначе, школа в прошлом, они теперь взрослые мужики и горят желанием утвердиться в новом качестве.

— Выпей с нами, — развязно предложил Тимур. — У нас местечко подготовлено. И подстилка имеется, чтобы муравьи в трусы не лезли.

Его подхалимы одобрительно заржали.

— Муравьи ночью спят, да и вам пора, — возразила Сана.

— Там и поспать можно.

— Переспать! — заржал Акай и схватил Сану за левую руку. — Пошли по-хорошему, будет что вспомнить, дуреха.

— Отстань! — Сана попыталась вырваться, но Акай вцепился крепко.

— Хорош ломаться, недотрога. Ты себя в зеркало видела? — усмехнулся Тимур. — Радоваться должна, что такие парни, как мы, любовь предлагают.

За ее правое предплечье ухватился Коля, пока не-твердо, его пальцы соскользнули и вцепились в укороченный рукав выпускного платья.

— Отпусти!

Сана дернула плечом, тонкая ткань треснула, и оторванный рукав повис тряпкой в кулаке Коли. Ребята перемигнулись и теснее обступили девушку, порванное платье их раздражило. Сана поняла, еще мгновение — и она окажется во власти пьяных парней, желающих покуражиться.

Надо что-то делать!

В отчаянии она ударила Акая ногой под коленку. Тот скорчился от боли и отпустил ее. Теперь бежать, но куда? Дорогу к дому перегораживает высокий Тимур — этого не собьешь. Направо к реке бежать бесполезно, там глухомань — парни догонят и завалят ее. Слева школа, там еще могут быть взрослые — они образумят хулиганов.

Девочка рванула к школе и бежала так, как не удавалось даже при сдаче норм ГТО. За ней по команде Тимура устремились три пары мужских ног.

Сана достигла школы первой, дернула главную дверь — заперто! И в окнах нет света, все ушли, а преследователи сейчас выскочат из-за угла. Сана устремилась бегом вокруг здания. Вот вход в спортзал, дверь тоже заперта, но она слышала, где физрук прячет запасной ключ. Отогнула жестяной подоконник, нащупала ключ, выдернула, вставила в замок. Давай же, открывайся! Скрипучий поворот — и слава добрым духам! Она успела проникнуть внутрь и запереть дверь перед носом пьяных подонков.

Ух, можно отдышаться.

Сана включила свет и увидела пианино. Инструмент принесли в спортзал для выпускного вечера. Первой мыслью было отбросить лакированную крышку, ударить по клавишам и заиграть что-то громкое, чтобы в селе услышали. Она никогда не училась музыке, но на слух могла воспроизвести любую мелодию, например, что-нибудь яростное. «Вставай, страна огромная» полностью отвечало ее настроению.

В детстве Сана думала, что унаследовала способности от деда — признанного алтайского шамана. Но однажды мама призналась, что Сана и ее брат-двойняшка Санат — копии отца. Их отец ушел из села, когда они были маленькими, и не вернулся. Его имя Марк, но мама называла его Композитором. Он мог голосом повторить любую мелодию или изобразить музыкальный инструмент. Да что там мелодию, ему были подвластны любые шумы, стоны, вопли, пiski, скрежет, крики животных, а слышал он на километры вокруг. Возможности Саны не столь безграничны, однако папин дар во многом передался и ей.

Она села за пианино и обрушила пальцы на клавиши. За миг до того, как войлочные молоточки в лакированном корпусе ударили по натянутым струнам, ее слух уловил характерный скрип. Сознание сразу нарисовало картину — в мужском туалете первого этажа открылось окно, двое парней перелезли через подоконник.

Боже, ее насильники продолжают охоту за ней, они уже рядом! Теперь понятно, почему они не стали долбиться в запертую дверь. Перед выпускным вечером одноклассники сломали шпингалеты на рамах в туалете, чтобы протаскивать в школу бутылки.

Руки Саны опустились, она вдруг осознала тщетность своего плана. В эту ночь никто не обратит внимания на громкую музыку, все знают, что в школе выпускной, ребята веселятся и будут шуметь до утра.

Надо бежать! Но путь обратно отрезан, в окно пролезли Акай и Коля, а хитрый Тимур караулит ее за дверью, она слышит его сопение.

Сана поспешила хоть куда-нибудь спрятаться, сунулась в подсобку со спортивным инвентарем и убедилась, что попала в ловушку. Комната без окон, ее крик никто не услышит, на полу свалены спортивные маты — лучшего места для насильников не придумать.

Шаги приближались. Акай и Коля ступали тихо, по их понятиям, но в сердце Саны их топот отдавался гулкими ударами. Она выключила свет в спортзале, приоткрыла дверь в школьный коридор и побежала по лестнице на второй этаж. Там в учительской есть телефон, она вызовет помощь.

Ее каблучки слышали, и парни уже не таились. Коля ринулся открывать дверь Тимуру, а Акай крикнул ей в спину:

— Никуда не денешься, жердь жженая!

Обидная кличка обожгла слезами. На счастье, учительская оказалась незапертой, во время выпускного здесь педсостав прикладывался к рюмочке, и на столе сохранились остатки трапезы. Сана схватила телефонную трубку — куда звонить? У ее знакомых телефонов нет, в правление колхоза ночью звонить бесполезно, отдел милиции в райцентре, когда еще оттуда приедут, а распоясавшиеся парни уже поднимаются по лестнице.

Сана вспомнила, что на выпускном вечере в школе дежурил усатый милиционер, которого по-свойски звали Петровичем. Он засматривался на их классную Дарью Макаровну, та не прочь была пококотничать. Петрович уже уехал из села, классная спит дома, но пьяные подростки об этом не могут знать наверняка. А что, если...

— Она в учительской, — доложил Акай подоспевшему Тимуру. — Я телефонный провод оборвал, чтобы не чудила.

— В учительской будет прикольно, — ответил Тимур и толкнул дверь.

Как только ее враги вошли в учительскую, Сана вбежала в смежную комнату, в которой находился кабинет директора, и плюхнулась на скрипучий кожаный диван.

— Ой! Кто это? — завизжала Сана голосом Дарьи Макаровны и тут же забасила, как милиционер Петрович: — Я щас разберусь, кто тут колобродит.

Дальнейший разговор Сана изображала в трех лицах, дополняя общую картину скрипом дивана и шорохом впопыхах надеваемой одежды. Из-за двери казалось, будто она застала Дарью Макаровну и Петровича за неприличным занятием на директорском диване.

— Шаманова, ты что здесь делаешь? — голосила учительница.

— Вали отсель, соплячка! — ревел милиционер.

— Я не могу, там хулиганы, — честно отвечала Сана.

— Петрович, мое платье на стуле.

— Тут еще твои...

— Давай уже! И сам прикройся!

— Ух, блин! Где мои штаны?

— Я отвернулась, — сообщила Сана. — Но выйти не могу, за мной пьяные гонятся. Схватили, порвали платье, пытались повалить.

— Кто такие?

— Темно было, не разглядела. — Сана прислушивалась, ожидая, что парни убегут, но те пребывали в ступоре. — Помогите, товарищ милиционер. Хулиганов надо задержать! Пойдемте, они там.

— Погоди ты, дай застегнуться. Ну вот, готов. Щас определим их в кутузку.

После грозных слов из-за двери послышался удаляющийся топот. Несостоявшиеся насильники убежали, расталкивая друг друга. Убедившись, что Тимур и его банда далеко, Сана направилась домой.

На полпути она встретила брата-двойняшку и накинулась на него с кулаками:

— Ты же все слышал, Санат! Почему не бросился защищать?

Ее брат с малых лет предпочитал одиночество и ушел с выпускного после торжественной части. Его слух и голос превосходили возможности Саны, он мог такое, что ей было не под силу, поэтому она и возмущалась.

Санат пожал плечами:

— Подумал, может, ты этого хочешь. Все взрослые этим занимаются, а молодежь вечно об этом треплется.

— Баран! — Сана снова стукнула брата кулачками в грудь.

Тот перехватил ее руки, вытянул шею и прикрыл веки, как делали оба, чтобы уловить малейшие звуки. Через несколько минут брат посмотрел в глаза сестре и сказал:

— Тимур понял, что ты его обманула, и идет сюда вместе с дружками.

Сана тоже все слышала. Ее одноклассники еще больше напились, выяснили, что Дарью Макаровну девчонки проводили с цветами до дома, а за Петровичем два часа назад приезжала служебная машина. Парни еще выпили, разозлились и искали ее.

— Поможешь? — спросила Сана.

— Я же брат, — ответил худой долговязый Санат.

Тимур и его банда не заставили себя ждать. Присутствие хилого Саната их не остановило, тем более что слабак отошел в сторону, не желая вмешиваться. Подростки издеваются над теми, кем сами боятся стать, а тут на выбор двое — хиляк и уродина. Девчонка сегодня предпочтительнее. Сана осталась один на один с хулиганами. Первым на нее готов был наброситься Тимур.

И тут раздался неприятный высокий вой, в котором было что-то звериное. Парни поморщились, словно над ухом крутился опасный шмель, но от своих планов отказались. Тимур обхватил Сану и повалил на землю, его дружки раздвинули ей ноги. Вой стал выше и противнее, звук вонзался в голову подобно тонкому сверлу. Первым свалился Акай, за ним Коля, но рука Тимура уже залезла ей под платье.

Неужели на него не действует? Это кошмар!

Неожиданно вой стал низким и почти неслышным, воздух будто загустел и тяжелыми волнами давил на мозг. Лицо Тимура скорчилось от боли, он схватился за голову и обмяк. Вой прекратился. Сана отпихнула насильника и встала, растирая слезы.

Вернулся Санат.

— Не мог сразу? — упрекнула сестра. — Он меня облапал, это противно.

Оба знали, что Санат способен специфическим воем ввести в транс и усыпить кого угодно, тем более пьяных.

— Экспериментировал, — ответил Санат и спросил, глядя на беспомощного насильника: — Что будешь с ним делать?

— Мстить. Прижгу ему морду горячей головешкой.

— Костер у реки, там есть подходящее полено, — равнодушно посоветовал брат. — Правда, нести далеко, ты обожжешь руку.

Сана растопырила пальцы, изучила остатки маникюра, который она впервые сделала к выпускному, и пнула Тимура в пах. Тот даже не скорчился, настолько был не в себе.

— Да пошел он! Для мужиков шрам не наказание, им не обязательно быть красавчиками. А мне ожогов хватит.

Она снова пнула врага, и на этом ее злость угасла.

Сана шла домой, понимая: обидчики очухаются, вспомнят об унижении, захотят отомстить, и житья ей не будет. Вечно рассчитывать на помощь брата — не выход. Вот поступить бы в мединститут в Барнауле на врача по кожным заболеваниям и ожогам, глядишь, и себе бы помогла, и навсегда бы покинула село.

2

В медицинский институт Сана Шаманова не поступила, завалила химию, но уезжать из Барнаула категорически

не хотела. Цеплялась за любую возможность остаться в городе, и ей удалось устроиться уборщицей в театре музыкальной комедии. Сюда мало кто рвался. Это не кабинеты служащих, где с утра прибрался — и свободен, и не магазин, где можно поживиться дефицитом. Основная работа в театре вечером, когда сотни зрителей тащат грязь с улицы, а нормальные тетki спешат в семью. Зато решился квартирный вопрос, Сане разрешили жить в подсобке в подвале театра. Комнатушка была маленькой, холодной и без окон. Единственное, что согревало девушку, — красочный плакат на стене с видом морского вокзала в Сочи.

В театре ее называли Соней, а злые языки — Шваброй. Шепотом, как принято у интеллигентных людей, но она-то слышала. Пусть злословят, со шваброй она действительно не расставалась, а все потому, что инструмент удобный. Работаешь лицом вниз, распущенные волосы прикрывают шрам на лице, халатик она себе укоротила в соответствии с повальной модой на мини, и если взглянуть со стороны, то первым делом видны молодые ножки и то округлое место пониже спины, из которого они растут, — привлекательная картинка.

Поначалу и так бывало: подкатит игривый артистик, шлепнет лапой по заду, она вскинет голову, вспыхнет взглядом, покажет себя во всей красе — тот и отринет, как от прокаженной. Мужчины быстро ее перестали замечать, а женщины, наоборот, проявляли навязчивую жалость. Дамы особенно милы с теми, в ком не видят соперниц.

Труд уборщицы напрямую зависит от погоды: если на улице дождь или мокрый снег, готовься гнуть спину

сверх нормы. А весной даже солнышко не радуется: снег тает, лужи не обойти, и грязная жижа на подошвах плоской змеей вползает в помещение, ни одна тряпка при входе не спасает.

Дожди с мокрым снегом в начале апреля семьдесят пятого года прибавили Сане хлопот. Ладно бы только зрители по вечерам досаждали, а тут еще в спешке готовится спектакль к юбилею победы в Великой отечественной войне. Рабочие шастают целый день, строгают, пилят, готовят декорации, мусора от них целые мешки. Артистов сгоняют на репетиции, от них на сцене разве что пыль от старых костюмов, зато в гримерках могут так накурлесить!

Главные партии в новом спектакле исполняют супруги Жанна и Артур Смирницкие. По паспорту они Аня и Ваня Смирновы, но считают себя богемой, достойной более звучных имен. Сана не в курсе, как ведет себя богема в столицах, но барнаульские Смирновы выпивают и скандалят, как заурядные пьяницы, разве что кулаки редко в ход пускают. Зато обижаются друг на друга в голос, по-театральному.

Вот вчера они выпили после представления, разругались на улице и уселись надутые на разные лавки в ожидании извинений. Сначала сопели молча, потом стали перекрикиваться, доказывая свою правоту, и даже дуэль ариями из оперетт устроили. Занятная получилась сцена, только морозец под ночь ударил по-зимнему, в итоге оба замерзли и осипли.

Сейчас притихли, обмотали шеи мохеровыми шарфами и пьют чай с малиной в гримерке, а что толку — раньше надо было думать!

Сана слышала, как к ним направился директор театра Игорь Михайлович Лисовский. Ему уже доложили о проблеме. Завтра премьера, ведущие солисты без голоса, оперетта «Москва-Париж» под угрозой срыва. От нервного возбуждения директор то расстегивал, то застегивал пуговицу на пиджаке — того гляди вырвет с мясом.

— Вы что натворили, изверги? — накинулся директор на солистов. — Это же не проходной спектакль, а наш вклад в празднование юбилея победы! Я перед крайкомом партии и министерством культуры персонально отчитываюсь. На премьере будут важные гости — все руководство города и даже французская журналистка приедет. Ведь главная тема спектакля — дружба советского и французского народов в годы войны, их борьба против фашизма! Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. Три дня — и я в форме, — заверил сиплым голосом Смирнов.

— Какие три дня? Премьера завтра! Афиши уже месяц висят по городу, приглашены самые влиятельные люди, перенос невозможен! — взвыл директор и с хрустом оторвал пуговицу на пиджаке.

Он погрозил пуговицей, как гранатой, швырнул ее в лицо артиста, в сердцах хлопнул дверью и потопал по мгновенно опустевшему коридору — все сотрудники попрятались от греха подальше. Сана тоже затаилась в своей подсобке, хотя прекрасно слышала, куда направился директор.

Лисовский поднялся на верхний этаж в комнату звукооператора, возвышавшуюся над последним рядом зрительного зала. Там пульт с рычажками и много диковин-

ной аппаратуры для манипуляций со звуком, а управляет мудреной техникой модный парень Антон Самородов.

Он нравился Сане. У него длинные волосы, аккуратные бакенбарды и дерзкий блеск в глазах. Парень он модный и одевается во все фирменное: американские джинсы с широким ремнем, водолазки, джинсовые куртки, туфли на платформе и солнцезащитные очки в красивой оправе.

Иногда у него появлялся дефицит на продажу, причем коробками. Это могла быть тушь для ресниц, губная помада, компактная пудра, лак для ногтей или колготки — и тогда все женщины театра спешили к нему в комнату с милыми улыбками и открытыми кошельками. Для мужчин у Самородова водились импортные сигареты, жевательная резинка и журналы с раскрепощенными красотками. Но главным для Саны было другое — Антон не воротил от нее нос, как остальные, благодарил за уборку и ободряюще называл «наш Уголек».

Сана стремилась задержаться у звукооператора во время уборки, хотя делать там было нечего: комната маленькая, а аппаратуру Антон протирал сам. От зрительного зала звукооператорскую кабину отделяло толстое стекло, единственная дверь была обита войлоком, чтобы не проникали посторонние звуки, но для Саниных ушей стен не существовало, она быстро раскусила тайные делишки Антона. Пользуясь служебным положением, он переписывал импортные диски на компакт-кассеты.

Появление директора театра застало звукооператора врасплох. Самородов вскочил, выключил звук и встал так, чтобы загородить новые пластинки, доставленные накануне из Москвы. Осторожность оказалась излишней,

Лисовского терзали проблемы иного порядка. Директор остановился у полки с магнитофонными пленками, стремясь прочесть надписи на корешках.

— Самородов, ты генеральный прогон «Москва-Париж» записал полностью? — строго спросил Лисовский.

— Как полагается. — Антон судорожно кивнул, еще не понимая, куда клонит директор.

— Ну хоть кто-то еще работает. Поступим так: завтра на премьере заменишь голоса Смирницких своей записью, — скомандовал директор.

— В каком смысле? — опешил звукооператор.

— В прямом! Они будут рот открывать под твою фонограмму.

— Но живой голос — это одно, а запись — совсем другое.

— Да знаю я! — выкрикнул Лисовский и покрутил вспотевшей шеей, стиснутой галстуком. — Но у нас нет выбора, эта парочка охрипла по дурости, кретины! Ты сделаешь так, чтобы никто не догадался.

— Но...

— Никаких отговорок! У тебя лучшая аппаратура в крае. Или мне другого звукооператора подыскать?

Антон сглотнул слюну, что было похоже на кивок согласия. Лисовский хлопнул его по плечу. Жест был дружеским, но взгляд и голос источали лед:

— Если подведешь, Самородов, вылетишь из театра к чертовой матери, а твои новомодные диски я сам переколочу!

Директор толкнул пластинки и вышел. Антон, как сдувшийся шарик, опустился в кресло. У него действительно отличная аппаратура, но генеральную репетицию

злосчастной оперетты он не записывал. Ему как раз привезли из Москвы новейшие заграничные диски групп «ABBA» и «Queen». Надо было срочно растиражировать их на компакт-кассеты, чтобы успеть сбыть самую выгодную первую партию. Не до оперетки было.

Что же делать?

Через полчаса мучительных раздумий и перебора всех мыслимых вариантов звукооператор вспомнил об изуродованной девчонке-уборщице. В их театре порой выступали эстрадные артисты, и Антон позволял бедняжке смотреть концерты из его комнаты. Этой зимой приезжал Эдуард Хиль.

Сана каким-то образом узнала, что за один концерт певец получает столько же, сколько она за месяц, и возмутилась:

— Вымыть театр сложнее, чем спеть десять песенок.

— Все так говорят, а ты попробуй, — усмехнулся Антон, приглушая уровень записи на аплодисментах. Компакт-кассеты с концертами эстрадных звезд тоже были ходовым товаром.

Хиль как раз закончил шуточную «Песенку без слов», зал аплодировал.

— Спеть эту ерунду? — с вызовом спросила девушка со шваброй.

— Просим! — Антон, не скрывая сарказма, изобразил аплодисменты.

Сана зыркнула на него одним глазом, дефектным боком она не поворачивалась, расправила плечи и выдала один в один «ла-ла-ла-о-о-о» тем же неповторимым обаятельным хилевским тембром. Впрочем, о неповторимости речь уже не шла. Антон с удивлением глазел на

девчонку в халате уборщицы, а та непринужденно копировала мужской голос и смотрела прямо в зал, радуясь тому, что звукорежиссерский пульт находится в левой половине комнаты и Антон видит только хорошую часть ее лица.

В те дни Самородов записывал на кассеты диск «The Dark Side of the Moon» группы «Pink Floyd». На пластинке была потрясающая песня без слов «Great Gig In The Sky» — сильная мелодия и чарующий женский вокализ. Антон был уверен: так может петь только сверхталантливая негритянка, с детских лет обучавшаяся вокалу. Никто из советских эстрадных звезд не сможет исполнить песню на таком уровне, что уж говорить про никчемную уборщицу.

Он решил осадить самоуверенную девчонку:

— Хиль у нас второй день выступает, ты прослушала и подготовилась.

— Вот еще! — возмутилась Сана.

— Тогда повтори этот вокализ. — Самородов приготовил диск группы «Pink Floyd».

Как он и предполагал, юная выскочка понятия не имела, о чем речь, слово «вокализ» для нее было в новинку.

Он снисходительно пояснил:

— В вокализе используют только гласные звуки, типа «а», «о», «у». На первый взгляд просто, но на самом деле такая техника исполнения намного сложнее, чем при пении текста.

Зазвучала музыка. Сана прослушала песню и обрадовалась:

— Наоборот проще. Не нужно заморачиваться с незнакомыми иностранными словами. Звуки в чистом ви-

де мне нравятся больше, они не придуманные, а естественные. Вот послушай.

И она повторила. Честное слово, повторила! Без запинков, с такой же чарующей силой! Как она умудрилась запомнить мелодию после единственного прослушивания?

— Кайф! — вырвалось у Антона любимое словечко, означавшее одобрение или хорошее настроение.

Впрочем, подобная реакция у него была и на африканскую маску — любопытная бесполезная диковинка. С голосом девчонке повезло, а вот с мордашкой беда, ее не выпустят на сцену даже в сельском клубе. В тот день он одарил Сану американской жвачкой и выпроводил, чтобы не мешала работать. Каждая записанная кассета — это деньги, которых уже завтра, в случае провала премьеры, он может лишиться.

— Голосистый Уголек, — задумчиво произнес Антон, придя к выводу, что она его единственный шанс на спасение.

Самородов выскочил из комнаты в поисках уборщицы. Сана слышала его приближение и успела расправить волосы, чтобы хоть как-то прикрыть безобразный шрам.

Просьба звукооператора ее озадачила. Она должна исполнить женскую и мужскую партию в новой оперетте, да так, чтобы никто не догадался о подмене. Первая мысль — это невозможно! Одно дело спеть для приятеля короткую песенку, когда он понимает, что это имитация, и совсем другое — обмануть сотни зрителей и артистов в длинной постановке.

— Выручи, Уголек, помоги, — просил Антон, протягивая ей партитуру оперетты. — Ты «Pink Floyd» вытянула, а у Смирницких голоса заурядные. Вот текст,

я отмечу красным и синим женскую и мужскую партию. Ты слышала генеральный прогон?

Конечно же она слышала, ей не спрятаться от звуков. Она без труда восстановит в памяти музыкальную постановку, игру оркестра вплоть до звучания каждого инструмента и голоса всех исполнителей. Но вдруг подмену раскроют и она подведет Антона? Он хороший парень, и девушки у него вроде бы нет, она слышала его телефонные разговоры — все о пластах, кассетах, записях и модных шмотках. Сейчас между ними почти дружеские отношения, но все изменится в случае провала. Он возненавидит ее.

— Ты называешь меня Угольком из-за этого? — прямо спросила Сана, откинув прядь волос со шрама.

Антон не отшатнулся. Он запустил растопыренные пальцы в ее распущенные волосы и обхватил ее лицо обеими ладонями.

— Глупенькая, у тебя волосы антрацитового цвета, а глаза — как сияющие угольки.

Сана вырвалась из мужских рук и отвернулась, чтобы он не видел выступивших слезинок. Ну как такому откажешь?

3

Вечером в театре было особенно многолюдно. На премьеру оперетты «Москва-Париж» пожаловали лучшие люди города. Важные чиновники раскланивались с руководителями ведущих предприятий, их заносчивые жены

придирчиво оценивали платья и украшения друг друга. Военные и милицейские чины громко шутили за столиками буфета. После третьего звонка сливки общества заняли первые ряды партера. Лучшие места в амфитеатре были выделены ударникам социалистического труда. А французскую журналистку, худосочную даму почтенных лет, усадили в центральной ложе вместе с первым секретарем крайкома товарищем Лобановым.

Расселись все, только директор театра Лисовский не находил себе места. Перед спектаклем он то и дело покидал гостей и спешил за кулисы в надежде, что у Смирницких прорежутся голоса. Но чуда не случилось. Когда зазвучала музыка, Лисовский, оказавшийся на сцене, вцепился в складки раздвинувшегося занавеса и застыл в темном углу. Его глаза, устремленные вверх, с надеждой всматривались в окошко звукооператорской кабины.

Там бледный Самородов отсчитывал последние минуты своей работы на хлебном месте. Прощай, бесценная аппаратура, прощай, дополнительный заработок. Видя такое скопление народа, в том числе музыкантов и критиков с идеальным слухом, он уже не верил, что можно обмануть всех. Одно дело понимать, что девчонка хорошо пародирует исполнителей, и совсем другое — вообще не догадываться о подмене.

Глаза Антона косили вправо на технический балкончик, примыкавший к верхнему углу сцены. Там между двумя треногами была натянута черная вуаль, за которой пряталась Сана. Она хотела видеть действие, чтобы контролировать жесты солистов, отказалась от микрофона, и он лишился возможности вытянуть ее голос с помощью аппаратуры.

Ой, что сейчас будет! Подменить солистов уборщицей — безумная идея. Сана даже не репетировала.

Музыкальное вступление закончилось, начинается действие. На сцену почти вылетает исполнитель второстепенной роли и звонко поет короткую вводную партию. Его неподдельный голос — как глоток воздуха перед смертью, а сейчас...

И вот на сцене появляется Жанна Смирницкая. Певица скованна, потому что понимает, что к чему. Мелодия приближается к стартовой ноте ее партии, но понурая солистка смотрит в пол, вместо того чтобы расправить плечи и набрать воздух в легкие.

Она сдается — это провал! У Самородова сердце ухает в пятки, а Лисовский осел бы на пол, если бы не держался за занавес.

Звучит заглавная нота, солистка неподвижна — и вдруг сверху на зрителей опускается чарующий женский голос. Смирницкая мгновенно открывает рот, она оживает, ходит по сцене, начинает играть. Лисовский вытирает занавесом холодный пот со лба.

Антон понимает: Сана поет в сферический потолок, мелодия отражается от купола, осыпается сверху и каждая нота как будто превращается в мыльный пузырь и парит над залом — зрителям невдомек, откуда звучит голос. Прекрасная акустика театрального зала играет им на руку. Пока все хорошо, с женским голосом Сана справляется, но как пойдет с мужским?

На сцену выходит главная звезда театра — Артур Смирницкий. Артист бодр и уверен в себе, наверняка принял коньяка для храбрости. Его уверенность базируется на том, что он поет под собственную фонограм-

му, но только двое в театре знают, что это не так. Начальная партия у Смирницкого тихая, лирическая, ее надо петь чисто и проникновенно.

О чудо! Сана точно копирует мужской голос.

Лисовский успокаивается. Звукооператор не подвел, настроил дорогушую аппаратуру, голоса звучат как живые! Но Антон по-прежнему нервничает: как Уголек исполнит дуэт двух разных голосов? Это почти нереально. Солисты будут перекидываться фразами, как теннисным шариком, ей нужно будет мгновенно перестраиваться с женского сопрано на мужской баритон.

Начинается дуэт. И на второй фразе она ошибается — срывает ноту в начале мужской партии. Антон хватается за голову, но замечает, что Смирницкий в этот момент оступился на сцене — чертовка Сана воспроизвела его естественную реакцию, зрители ответили понимающими улыбками.

Что она творит! Вытягивает сложнейший дуэт, гениальная девчонка! Никто в театре не догадывается о подмене, даже Смирницкие уверены, что звучат их собственные голоса, только в записи.

В антракте Антон поспешил к техническому балкончику, чтобы поддержать Сану. Но там он не застал девушку: уборщицу по внутренней связи срочно вызвали за кулисы. Антон спустился вниз. За сценой царила суета, свойственная премьерному показу. Смирницкий разбил бутылочку коньяка, которым подлечивался, и Сана вынуждена была оперативно устранять последствия. На согнутую спину девушки никто не обращал внимания.

Зато Смирницкий выпячивал грудь перед директором и сипел:

— Большого артиста надо оценивать по вершинам творчества. Слышали, как я дал на генеральном?

— Если кто нальет Артуру, уволю обоих! — громко предупредил всех директор и уже персонально Смирницкому втолковывал: — До окончания спектакля с гостями не общаться. Я потом объясню ваши голоса профессиональной усталостью.

— Они выложились на премьере, положили здоровье к ногам Мельпомены, — подсказывал подвыпивший солист.

— Заткнись, Артур, побереги связки, — осек его Лисовский и хлопнул ладонью по спине уборщицы: — Как тебя, Соня? Во время второго действия вылижешь пол в буфете. Чтобы все блестело, после спектакля там будут важные гости.

Сана переглянулась с Антоном, ее взгляд вопрошал: сам объяснишь? Но звукооператору уже указывал директор:

— А ты чего здесь трешься? Марш на рабочее место, готовься! Прошла только половина действия.

И Самородов спасовал.

— Забей на уборку, — шептал он девушке, когда она шла к выходу с ведром и шваброй. — Ты должна быть на балконе. Ария Смирницкой начинается с первых тактов.

Вторая половина спектакля далась Сане легче. Она поверила в свои возможности и пела — как дышала, свободно, непринужденно. Почувствовав уверенность, она даже позволила себе небольшое озорство. В одной из заключительных сцен оперетты Сана заменила строку текста проникновенным вокализом, как на альбоме «Pink

Літературно-художнє видання

БАКШЕЄВ Сергій

Вокалістка

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 12.06.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

БАКШЕЕВ Сергей

Вокалистка

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 12.06.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

У Сани идеальный слух та красивий голос. Свої видатні здібності вона успадкувала від батька, легендарного Композитора. Звукооператор Антон пропонує їй задіяти її талант імітації голосів для дрібних махінацій. Хлопець використовує її, і скоро Сана кидає його. Вона стає бек-вокалісткою естрадної співачки. Але все це — частина шахрайських схем. Доля зводить Сану з офіцером держбезпеки Трифоновим. Її талант украй корисний для роботи у спецслужбах. Тепер вона — агент Вокалістка, небезпечна зброя в чужих руках. Зброя, яка може вийти з-під контролю...

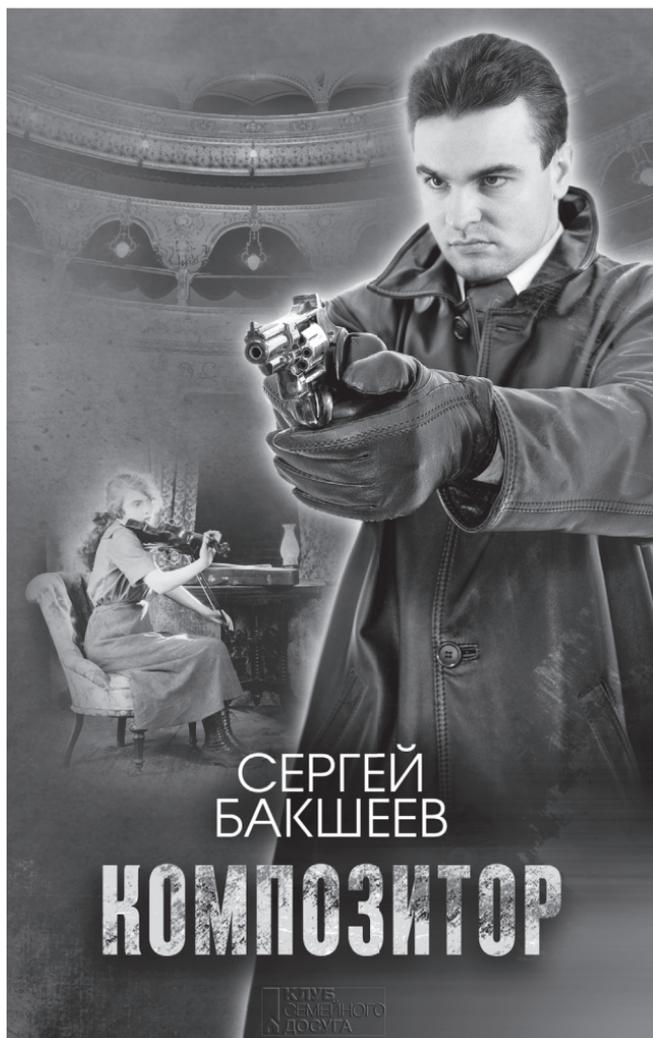
Бакшеев С.

В19 Вокалістка : роман / Сергей Бакшеев. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с.

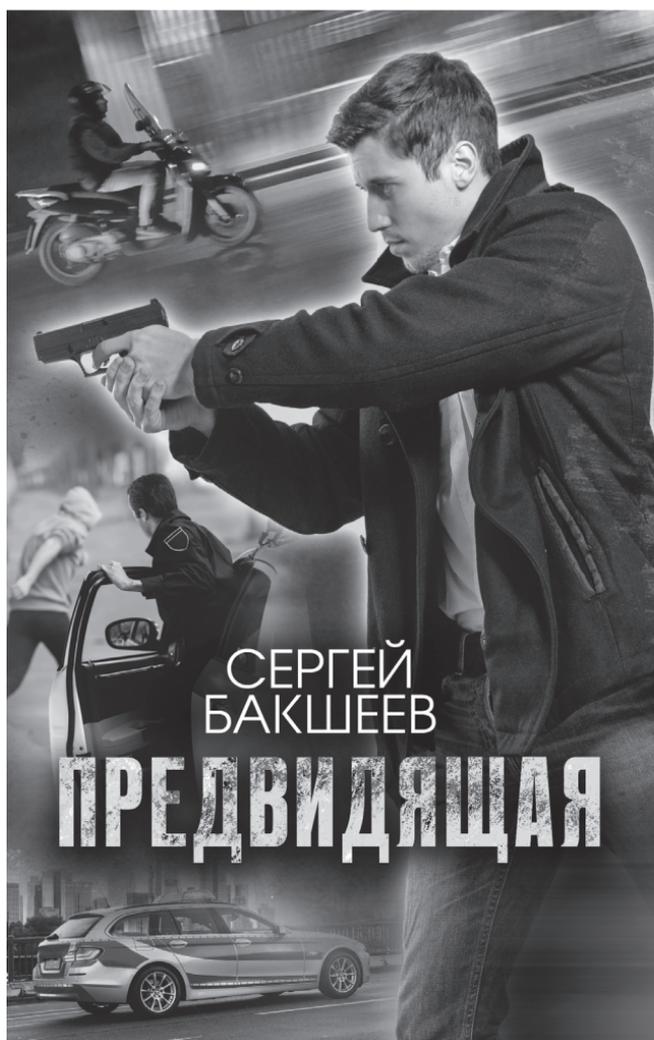
ISBN 978-617-12-6701-5

У Саны идеальный слух и красивый голос. Свои выдающиеся способности она унаследовала от отца, легендарного Композитора. Звукооператор Антон предлагает задействовать ее талант имитации голосов для мелких махинаций. Парень использует ее, и вскоре Сана бросает его. Она становится бэк-вокалисткой эстрадной певицы. Но все это — часть мошеннических схем. Судьба сводит Сану с офицером госбезопасности Трифоновым. Ее талант крайне полезен для работы в спецслужбах. Теперь она — агент Вокалістка, опасное оружие в чужих руках. Оружие, которое может выйти из-под контроля...

УДК 821.161.1

Марк Ривун — необычный человек с потрясающими музыкальными способностями. Когда он был маленьким, его родители погибли в авткатастрофе, а дядя даже с помощью многочисленных нянь не мог справиться с малышом. Причина — голос мальчика. Марк попал в детдом и через несколько лет, поняв свою особенность, научился управлять высотой голоса и удивительным образом влиять на людей. Своим голосом он может вызвать самые разные эмоции, но только не любовь, которой так жаждет. Марк решает, что причина в строении носоглотки, и однажды вскрывает горло успешному оратору. Со временем подобных убийств становится все больше и больше.

Тринадцатилетнюю Дину обвиняли в поджоге. Единственный, кто мог свидетельствовать о ее невиновности — Михаил Давыдов. Но за помощь этой девчонке мужчину обвинили в убийстве, которого он не совершал. И теперь они оба в бегах. Давыдов — IT-директор в крупной компании бизнесмена Скворцова. Он даже не подозревает, что Дина — дочь погибшего семь лет назад вместе с женой компаньона Скворцова. Дину «заказали», и киллер по кличке Следопыт дышит беглецам в спины. Давыдов пытается узнать, кто стоит за всем этим. Правда, которую он узнает, может стоить им с Диной жизни...